

М.С.Чернова, МГПИ (г. Могилев)

С.Н.БУЛГАКОВ О Л.Н.ТОЛСТОМ-ХУДОЖНИКЕ

В настоящее время появилась возможность познакомиться с оценками Л.Н.Толстого представителей различных направлений, существовавших в русской критике начала XX века. Несомненно интересны суждения о писателе выдающегося деятеля эпохи религиозно-культурного ренессанса С.Н.Булгакова. Он рассматривал идейные и художественные искания писателя в их диалектической взаимосвязи.

Отношение Булгакова к творчеству Толстого обуславливалось этическими и эстетическими позициями критика.

В статье "Васнецов, Достоевский. Вл. Соловьев, Толстой (параллели)", в 1902 г. Булгаков, как и все писавшие о романисте, отмечал, что социальный анализ - сильная сторона творчества Толстого, позволяющая говорить о его гуманистических устремлениях.

Однако в ряде статей, опубликованных после смерти Толстого, Булгаков пересмотрел свое отношение к особенностям художественного дарования писателя. Изменился и сам тон булгаковских рассуждений, что было связано с его окончательным переходом от философского идеализма к "церковности". К этому же времени Булгаков приступил к теоретическому обоснованию собственного философско-эстетического учения о софийности. Существенное место в его софиологии творчества занимают две проблемы: художественный талант и личность его обладателя и основные признаки таланта. Материалом для их осмысления стало в том числе и наследие Толстого.

Главные положения лекции-статьи Булгакова "Человек и художник" основывались на общей философско-эстетической установке. Если талант от Бога, если он выражает Божественную Премудрость, то личность художника становится его придатком, "подобно певцу, превращающемуся в футляр для своего голоса". Талант, с точки зрения Булгакова, всегда мудрее его обладателя. И то, что художник "находится в рабстве у своего таланта" - это не противоречие, это норма. Гармония таланта и личности художника обуславливается христианским мировоззрением деятеля искусства. По Булгакову, талант первичен по отношению к личности художника, ибо его творчество есть послушание, возложенное на человека самим Богом. Если личность восстает против Божественного дара, неизбежно возникает опасный внутренний конфликт между человеком и художником.

В отказе Толстого от написанного им до 1880-х гг. Булгаков усмотрел не результат "эстетического эксперимента", выдвинувшего на первый план абсолютный идеал добра, а "отречение от драгоценного дара Божия", проявление духовной гордости, своего рода "героизм". "Творческий эксперимент" Толстого, который Булгаков определил как неудачную попытку "соединить в одном лице художника и моралиста", он не принял, поскольку этическое учение о самоспасении и самоправедности критик расценивал как

тяжкий грех богоутраты. В публицистических статьях и рассказах Толстого 1880-х гг. Булгаков усмотрел свидетельства "деградации таланта". Причина этой "деградации" - в "религиозном беспокойстве", в "исканиях своего Бога", которые опасны для художественного дарования писателя.

В лекции-статье "Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л.Н.Толстого: "Дьявол" и "Отец Сергей" (1912 г.) на примере толстовских персонажей Булгаков показал, как ложный, с его точки зрения, идеал писателя становится причиной постепенного исчезновения главных признаков таланта: психологизма, гуманизма, философичности.

Критик рассматривал о.Сергия не как художественный образ, а как "духовную автобиографию самого Толстого, проповедующего религию человекобожия". Тенденциозность Толстого-моралиста поглотила Толстого-психолога и привела к нарушению правды изображаемого предмета. Булгаков в данном случае оказался очень близок к выводу, который впоследствии сделал Б.М.Эйхенбаум, писавший: "в старческих вещах Толстого понятие характера почти исчезает... "Диалектика души" подменяется умственной диалектикой, действующей за пределами характера".

Поскольку анализ внутренней жизни и поступков героев Толстого не отражает главного - сложного процесса возвращения человека ко Христу, то Булгаков ставит под сомнение и этическую значимость его творчества. Ошибочная мировоззренческая установка писателя привела к тому, что итогом духовного пути отца Сергия и Евгения Иргеньева явилось "отвержение мира, отдавшего дьяволу", - считает критик.

Ложный идеал Толстого привел к потере еще одного важного качества истинного художественного дарования - гуманизма. Этот факт Булгаков установил на основании анализа отношения позднего Толстого к своим персонажам, а через него и к людям вообще. Писатель не может их представить иначе, как "во грехе, падении, отчаянии, из которого один выход - самоубийство", - отмечает критик.

Вывод, считает Булгаков, может быть только один: деятель искусства, утративший христианские идеалы, перестает быть художником; художник, изменивший своему Божественному дару, перестает быть христианином.

Если следовать логике Булгакова, то Толстой к концу жизни перестал быть писателем-философом, ибо его "проповедь" была ложной; он не являлся более писателем-психологом, потому что изображал не те душевные процессы, которые следовало описывать; и, наконец, утратил веру в человека, в его способность "обрести истину у ног Спасителя". Но если разрывается триединая связь: философ - психолог - гуманист, то, следовательно, неизбежно возникает сомнение в реализме Толстого. Безусловно, такое заключение о творческой индивидуальности Толстого не может не вызывать протеста.

В анализе особенностей таланта писателя Булгаков стремился отойти от односторонности оценок, неизбежных при вульгарно-социологическом, субъективно-психологическом или классовом подходе. Однако философско-религиозные установки делают и его суждения не равнозначными по своей значимости и объективности. Тем не менее методологически важным пред-

ставляется вывод Булгакова о существовании диалектической связи художник - мыслитель, писатель - человек.

Приходится констатировать, что мировоззренческие расхождения Булгакова с Толстым, обусловили его негативные оценки творческой индивидуальности писателя. Однако нельзя не признать, что анализ его таланта с ортодоксально-христианской точки зрения до Булгакова не предпринимал никто.